

18+

Вадим Сидоров

Армейский
stand-up.
Триначик

Вадим Сидоров

Армейский stand-up. Триначик

«Издательские решения»

Сидоров В.

Армейский stand-up. Триначик / В. Сидоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554268-7

Триначик — тринадцатая рота. Службу в армии можно любить, можно не любить, но забыть просто невозможно. Незабываемы и курсантские годы. Автор книги «Армейский stand-up. Триначик» приглашает вас на небольшую «вечернюю прогулку», чтобы иронично и с юмором повспоминать, о чем молчат курсантские письма, какие «высокие технологии» и «полезные инструменты» довелось использовать курсантам военных училищ на пути к просветам на погонах.

ISBN 978-5-00-554268-7

© Сидоров В.
© Издательские решения

Содержание

Совершенно несекретно	6
Предисловие	7
Часть 1.	8
Абитура олимпийской системы и черте что	8
Триначик. Слоны и Одесса	13
Русский учи, бляха	18
Только рюмка водки из горла	21
Мясная тематика. Эпизод I. Новогодний	23
Мясная тематика. Эпизод II. Легкий шмонец	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Армейский stand-up. Триначик

Вадим Сидоров

© Вадим Сидоров, 2021

ISBN 978-5-0055-4268-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Совершенно нескретно

Все, что случилось, мною пережито.

С. Довлатов

Мама, ты всегда хотела, чтобы я был счастлив. Ты хотела как лучше, и это «лучше» получилось, независимо от того, дали мне квартиру или нет. Независимо от того, пригодилась ли «гражданская» специальность в новом пути и новой работе. Ведь ты – не ясновидящая. И нестрашно, что страна наша кокетливо позволяет себя любить, оплачивая любовь красотой природы и таким же климатом. Ведь она – Родина. Принимаем, любим, гордимся. Гораздо важнее другое: кем бы я стал, если бы не армия? Я часто задаюсь этим вопросом. Первое, что приходит на ум, – я могу быть любим. Я мог бы стать кем угодно. Поступить в любой институт и закончить его с отличием или нет. В любом случае успешно. А что вышло, то вышло. Чем бы я ни занимался, это у меня получится. Дело, которым занимаешься, надо любить. Не любишь – предаешь, предаешь дело – предаешь себя. А дело, в свою очередь, не приносит ни удовлетворения, ни славы, ни денег. А как многим юношам хочется славы, признания или хотя бы известности! С помощью денег можно добиться известности. Для того же, чтобы добиться славы или признания, нужны деяния, значимые, полезные, очевидные, пусть даже в меру нескромные и совершенно бескорыстные. Мера бескорыстия и определит меру славы.

Дай бог не растратить это ощущение и детям передать, а еще лучше – всем тем, кто в этом очень нуждается. Думаю, ты меня поняла.

Предисловие

Жизнь человека – самая большая ценность. Она состоит из времени и отношений. Время – ценнейший ресурс, и именно он подтолкнул меня к идее написания книги. Так случилось, что в связи со сменой работы пришлось работать в другом городе, а с семьей общаться только по выходным. Постоянные перелеты к месту работы и обратно, многочасовые поездки на электричке отнимали уйму времени. Представляете, как можно выспаться, сколько интересного можно прочесть? А если написать что-нибудь? Конечно, это сложнее и намного дольше, чем читать. Да и о чем? Быстрее и легче всего пишется о том, что было и что будет. С описанием НАСТОЯЩЕГО даже у великих пророков случаются сложности. Потому и вспомнилось о курсантских годах.

К тому же к написанию книги подтолкнули... сны. Начали сниться – цветные, широкоформатные и совершенно неправдоподобные: о военном училище, друзьях и недругах. Уж лучше проснуться и изложить близко к правде, с поправкой на человеческую память, разумеется, чем гадать, к чему бы это. Решено – пишу про «путь воина». Обсудить бы с кем суть, название, стиль... С дочерью! Звоню. Фамилии участников реальных событий вспоминаю и тут же меняю на вымышленные.

Путь воина – это кодекс чести, неписанный свод правил японских самураев. Путь воина в стране, в которой мне довелось не только жить, но и служить, напротив, отлично регламентирован: уставы, приказы, система карьерного роста. До лейтенантского просвета на погоне пять лет беспросветной жизни, потом год – и уже старлей, три – кэп (капитан), дальше, глядишь, майор, волосы убывают, талия наоборот – и все понятно, и все правильно.

Мы привыкли, что в книгах о войне наши побеждают и, как правило, геройски. Если книга о мирном времени, то наши овладевают мастерством, при этом беспрекословно выполняют все команды командиров и начальников, – таково Бусидо* по-советски. Другая крайность – «в армии все плохо». Эту концепцию даже обсуждать не могу, поскольку такими категориями не мыслю, а критерия «все плохо» не знаю. Эту книгу можно считать неправильной, поскольку она о том, как все происходит, принимается участниками событий и переживается. Без оценок, без «хорошо» или «плохо», без прикрас, но с удовольствием, а главное, с уважением к тому, кого эта тема коснулась, кому довелось обрести ценность, заплатив свою цену за эти курсы...

Сейчас поговорим не о вечном, а о более бытовых, прагматичных вещах. Цена и ценность, как известно, сильно отличаются. Особенно сильно в этом убеждаешься, попав в армию. Только здесь человек по-настоящему начинает ощущать простые вещи и ценить их с особым трепетом. Есть, конечно, еще тюрьма, но мне все-таки приятнее проводить позитивные параллели. Доброе бедное студенчество в общаге или стройотрядная жизнь. Вот, пожалуй, и все. Простой пример из жизни – кто знает, тот поймет: что дороже – банка консервированной перловой каши или гречневой? Вопрос не к диетологам. Правильно – банка перловки, хотя хозяйственный стереотип подсказывает в пользу гречки. В жизни на полевом выходе их меняли по курсу один к трем. А почему? Да потому, что разогретая на зиловском моторе банка перловки – это и вкус, и тепло, и благородная отрыжка, если, конечно, банок две. Про консервированную гречку ничего хорошего сказать не могу – не ел, хотя пытался. Вот и выходит, что более ценная вещь в определенных условиях полностью бесполезна. В армии это правило работает, только с еще большим неуставным размахом. Для тех, кто усвоил эти курсы, сохранил ощущение сладкой горбушки на зубах, и предназначена эта книга.

Часть 1.

О чем молчат курсантские письма?

Абитура олимпийской системы и черте что

Абитура – с нее начинается любое хорошее дело. Для большинства молодых людей процесс поступления в вуз становится, по сути, первой серьезной интригой в жизни. Абитуранты съезжаются со всех концов страны на своеобразные Олимпийские игры. Поступление в военное училище же вдвойне интрига, практически спецоперация. Сейчас уже нет того куража и одновременно стресса, который испытывали будущие курсанты раньше. Второго шанса Родина не давала, потенциальный офицер в случае непоступления становился реальным солдатом.

Олимпийская система предполагает выбывание. Интрига для некоторых соискателей длилась долго и далеко не в самых комфортных условиях. В казарме, в наряде, в «трудовом десанте». С другой стороны, такая регулярная занятость помогала голове переключить на другие мысли. Чаще всего эти мысли сводилось к двум вещам: «куда я попал» и «на фига мне это надо». Как-то реже думалось о подругах...

У меня начиналось все так. Поступать я поехал не один, а с группой поддержки в составе двоюродной сестры Татьяны и отца, который в армии не служил. «Жигули», классика, шестерка, «шоха». Цвет «Сафари». Показатель хорошего житейского вкуса и изрядного семейного достатка. Поездка приятная, многообещающая, с заездом на Чусовское озеро – **триста шестьдесят километров** от одной реальности до иной. Я был с группой поддержки, и в меня верили. Было как-то неудобно их разочаровывать. О своеобразном эмоциональном состоянии того времени лучше всего говорят письма. Такого количества бреда я не писал ни до, ни после этого периода жизни. Отвязное балагурство и прыжки с темы на тему – красочное свидетельство очень сильного возбуждения и неуверенности. Неуверенности, прежде всего, в выборе профессии.

Военное училище располагалось в центре города, с красивой, аккуратной территорией и таким же большим аккуратным забором – черным, каслинским, с заботливо раздвинутыми в определенных местах прутьями. Как потом оказалось, у военного коменданта был целый ритуал: по субботам с домкратом от «жигулей» наперевес сдвигать прутья забора обратно, чтобы хотя бы крупные особи **курсантского пола** в него не проходили. Я, как и все граждане, пользовался этими ходами и при любой возможности навещал группу поддержки через забор. Первое знакомство с будущими сокурсниками меня насторожило. Я и еще один щупленький паренек сидели неподалеку от казармы на скамейке, к нам подошел третий. Представился: «Ростик. Вы откуда?» Я ответил: «Из Перми», сосед по скамейке сказал: «С Еката». Ростик подвел итог: «Я с Кургана. Земляки. Надо держаться вместе». Я тогда подумал: «Ничего себе земляки», но ошибся. А тезис про «держаться вместе» принял на всякий случай. Как ни странно, но все трое из нас поступили, были раскиданы по разным подразделениям, а вот на распределение в дивизию ПВО, что базировалась в Екате, ехали представляться снова вместе. Правда, реальными друзьями-сослуживцами, напарниками стали совершенно другие люди, в том числе из Азербайджана, Белоруссии, Челябинска...

На абитуре распорядок был приближен к армейскому. Ходили строем, взводами и ротами, только выглядела эта масса народу нелепо. Одеты ребята были кто в чем приехал: в кроссовках, майках, трениках, школьных брюках. Иногда треники сочетались с ботинками,

а брюки с кроссовками или кедами. Руководили этим строем курсанты второго и третьего курсов. Они рассказывали всякие ужасы вперемешку с байками, слушать это было интересно, но воспринималось почему-то как зарубежная пропаганда. Веры к пропаганде не было никакой, а настороженность крепла. Чтобы хоть как-то снять эту тревогу, хотелось написать письмо всему миру. Человеку вообще свойственно в непонятной ситуации искать внешнюю опору – помните из школы: «Откуда взялась религия?» А умному человеку это сделать гораздо проще. Благо всегда есть, о чем подумать и что положить на бумагу. Письмо в армии – как чудесный кусок стабильности и покоя. В письме можно было написать много и ничего на восьми листах. Двадцать–тридцать строчек сюрреализма курсантской жизни могут привести в порядок и мысли, и чувства. Написать что-то и отправить – чуть ли не важнее, чем получить и прочитать. Потому и писали много. Всем, кто мог услышать, кто мог ответить. Сейчас информацию из этих писем можно принять за бред. Но если к прочтению отнестись серьезно и покопаться в СЕБЕ ТОМ, можно вспомнить даже, при каких обстоятельствах было написано письмо, собственное состояние, пережить все заново. Это работает всегда, при условии, что и тогда, и сейчас ты был искренен сам с собой.

В казарме во время поступления все крутилось и вертелось, как в барабане лото. Шарик выпал – еще один выбыл. Система-то олимпийская, навывлет. Здесь можно было выбыть, даже успешно сдав экзамены, но не оказавшись при этом комсомольцем. Комсомол для поступления, как первый сексуальный опыт для семейной жизни, был просто необходим. Сейчас это странно звучит, но комсомольцем был обязан стать любой добропорядочный гражданин. Иначе нельзя. Так вот, в казарме постоянно съезжали, перемещали, двигали кровати, уносили чье-то белье. Какая-то часть кубрика после очередного экзаменационного дня безвозвратно пустела. Туда перебирались другие люди. Примечательной была одна кровать. Она была двухэтажная. Конечно, не в этом ее уникальность, в казарме все кровати двухэтажные. Изюм был в том, что с обратной стороны верхнего яруса за сетку был прицеплен чертик – маленький, черный, ну типичное каслинское литье. Никто из пацанов, кто спал на этой кровати, не поступил. Мистика...

Особого внимания хочу удостоить чудо-объект недвижимости под названием казарма. Та, в которой жили абитуриенты, а в последующем и курсанты моей роты, была красная – в прямом смысле этого слова. Такие объекты можно встретить в любом бывшем губернском городе. Строились они из красного кирпича – с очень толстыми стенами, рельефной, достаточно выразительной кладкой на фасадной части здания, высоченными потолками и узкими окнами. Здания казарм с одинаковым успехом могли стать и жильем «бизнес-купеческого класса», и казармой, и конюшней с лошадьми и навозом, если город захватят «белые». В челябинском училище есть несколько таких казарм, переживших эпоху. Любящие руки курсантов регулярно драили в них полы (по-военному «взлетки») мылом до кошачьего блеска, натирали стекла окон до того состояния чистоты, когда за ними даже южно-уральская природа становится просто южной какой-то. К казарме по неизвестной мне традиции всегда примыкает курилка. Это официальная зона, в которой можно на троих выкурить сигарету, почистить сапоги на специальных приспособлениях, прикованных к стене, и обсудить последние новости, говоря курсантским языком – «потрындеть» и «поржать». Именно в курилке собирались целые театры одного актера. Байкам не было конца, обсуждалось все – от революции до дефлорации – на смачном, особенно живом русско-военном языке.

Были на территории училища и другие достопримечательности, например, роскошная аллея с голубыми елями. Круг по этой аллее составлял ровно один километр, хотя тот же из пацанов, кто бегал кроссы не очень хорошо, пытался всегда усомниться в истинной ее длине и втайне проклинал ландшафтный дизайн родного училища.

Рассказ был бы неполным, если бы я не упомянул сами экзамены и ужас, который они вселяли всем участникам. Исключение составляют только ребята-азербайджанцы. Вот уж кто

не волновался. Для них интриги в поступлении не возникало, они всеми предметами владели «в оригинале».

Из экзаменов наиболее запомнились физика и сочинение. Физику принимал удивительный человек с весьма «физичной», как тогда казалось, фамилией, которую я не запомнил. Это благодаря ему приличный конкурс при поступлении в вуз мог обернуться серьезным недобором в итоге. И чертик тут ни при чем. Представьте себе военного коменданта крепости, грозу гарнизона мужской и, как говорят, женской его частей, который при очередном осмотре системы коммуникаций умудрился получить разряд молнии, выжить, прозреть в физике, сменить профориентацию, написать несколько книжек, защитить ученую степень и стать моим экзаменатором. Возможно, это легенда, но у него на экзамене бледнели все – и медалисты, и отпетые мошенники-бомбисты. Бомбистами в дореволюционной России называли революционных террористов, а в советское время – студентов, использовавших на экзамене шпатель – «бомбы».

Прежде чем перейти к самому экзамену, сделаю небольшое отступление. В школе мне посчастливилось быть не только отличником, хорошистом и комсоргом, но еще и лаборантом в кабинете физики. Поскольку учитель физики у нас был педагог неординарный и продвинутый, то он преподавал по методу Шаталова. Иначе преподавать было тогда немодно. Напомню, этот метод обучения предполагал зрительное восприятие и запоминание информации, в том числе «физической». В мои лаборантские обязанности входило оформление всех демонстрационных материалов. Причем за всю школьную программу. Хотя рисовал в основном папа, физику я знал лучше всех, наизусть – по картинкам. В нашем школьном юморе они значились как «веселые картинки», по названию одноименного журнала. За это мне еще и доплачивали 40 рублей. По тем временам – это ползарплаты мамы и треть зарплаты папы. И вот в училище, получив экзаменационный билет, я сразу воспроизвел графическую часть ответа в синих цветах и красках. И с этой «красотой», абсолютно уверенный в себе, пошел сдаваться. Хорошо хоть задачу решил. Ближе к середине моего доклада препод взял мой опорный конспект – так, по версии Шаталова, правильно назывался листок с ответом. Он посмотрел на мою работу и задал один только вопрос: «Это что за „Мурзилка“?» Я уверен, что он перепутал один детский журнал с другим, но коменданту крепости это знать было необязательно, да и вряд ли такое уточнение могло повлиять на исход экзамена. Моя попытка что-то объяснить про методы Шаталова и его последователей из 41-й, очень средней, школы, похоже, только раззадорила боевого профессора. Он преобразился, потерял **серьез** и как-то по-жуковски рассмеялся: «Задачу решил?» Услышав «Да», не глядя ни на меня, ни на задачу («Свободен! Свободен?!», – подумал я, но опять ошибся), этот немигающий, не улыбающийся «маршал от науки» поставил мне четверку. Пожалуй, это была моя первая боевая победа – победа, построенная на коммуникациях, а не на реальных знаниях. Тут главное не расслабиться, подумал я тогда. И в этом не ошибся.

Сочинение тоже запомнилось, хотя там не было никаких экзаменаторов, интрига от этого и стресс только усиливались. Угадайте, о чем раньше писали сочинения в военном училище в мирное время? Правильно, о войне и мире. Была, конечно, и свободная тема, но это непопулярно, о чем там писать? Зато для первой темы Лев Николаевич подготовил три увесистых тома. И вот мы пришли в большую аудиторию, человек на сто, уселись и стали писать.

Для успешного написания сочинения я с детства усвоил три главных правила, которым меня научил отец: нужен план, надо писать то, что знаешь, и в каждой строчке только точки, т. е. кратко, без выкрутасов. Было, конечно, еще одно правило – писать неразборчиво, чтобы получалось грамотно, но это для писем. Я не стал оригинальничать, составил план по теме, которую писал в школе, и сократил все предложения до трех-пяти слов. Написал часа за полтора и в предвкушении будущей четверки (это мой высший балл по русскому языку) просто сидел и думал о жизни, тем более что экзамен был последний, предыдущие успешно сданы.

Мои мысли прервал сидящий справа сосед. Он был не из моей роты, но я его еще раньше заметил. Активный такой, непосредственный. Его звали Володя Сидорчев (мы потом познакомились и очень сдружились). Он попросил меня проверить сочинение. Слабо припоминаю, что это была тема-исключение, свободная, типа «Есть такая профессия – Родину защищать». Сочинение пестрело не только развесистыми оборотами на полстраницы, но и огромным количеством различных ошибок. Пришлось черкаться нешуточно, прежде чем что-то все-таки получилось. А получилось, как я и предполагал, четверка – проходной приемлемый результат. Правда, я не сразу узнал об его оценке. Только двумя годами позже, когда наши роты соединили, мы снова встретились и вспомнили этот случай. Он мне рассказал, насколько был поражен тогда «своему» результату. Потенциальный отличник, всю жизнь он получал тройки по русскому, и это в лучшем случае.

Олимпиада закончилась, все, кто стали призерами, поступили. Началась очень важная стадия в становлении личности курсанта – курс молодого бойца, сокращенно КМБ в составе тринадцатой роты курсантов, сокращенно – триначике.

#

Комсомол для поступления в училище, как первый сексуальный опыт для семейной жизни, был просто необходим.

Преподаватель взял мой опорный конспект, посмотрел на мою работу и задал один только вопрос: «Это что за „Мурзилка“?»

Чаще всего эти мысли сводились к двум вещам: «куда я попал» и «на фигу мне это надо».

ОБТОНСЛУЖБОН В/Ч 61219 И ДРУГИЕ

Триначик. Слоны и Одесса

Правильнее было назвать этот рассказ «То взлет, то посадка», помните? Суть в том, что когда происходит зачисление и распределение по подразделениям, ровно в тот же момент у старших товарищей по курсу, а это всегда ребята, кто поступал в училище из армии, появляется очень важная и желанная обязанность. «Реальные военные» начинают учить «молодых» всем премудростям военного дела. Точнее, начального его этапа. И все как-то резко изменилось, жизнь очень ускорила и стала одной большой командой «Подъем!»

Вечером, после отбоя, нас поднял жуткий вопль: «Подъем!» С непривычки вскакивать так резко в кубрике возникла полная неразбериха, не все даже догадались начать одеваться, куда-то побежали, схватив первую попавшуюся одежду. Я как-то оделся, встал в строй. Все вокруг выглядели мято, лица выражали тревогу и одновременно интерес: «А что это?» Ответ возник быстро: «Отбой». Попутно один из сержантов с оптимистичной фамилией Воробей комментировал спокойно, но торжественно: «Не успеваем, а надо. Напоминаю, военнослужащий, услышав команду „Подъем!“, должен...» – и дальше что-то по тексту.

Операция повторилась снова и снова. Несмотря на то, что наши действия стали гораздо более рациональными, а каждое движение приобрело персональный смысл, все равно кто-нибудь не успевал встать в строй за победные 45 секунд. Позднее остался один. Его звали Филя Русский. Когда мы познакомились, я не сразу понял, где здесь имя, а где фамилия. В итоге оказалось, что первое слово – фамилия, а второе – прозвище. Мы просто негодовали, каждый раз страдая из-за нерасторопного товарища. Кто-то выражал эти мысли вслух, другие материли его про себя. В итоге все закончилось хорошо, но воспоминания о первом взлете и посадке остались, как о первом прыжке с парашютом, не меньше.

Вообще-то резкий подъем – это единственное, что меня может поднять, и тогда, и сейчас. За плавным полеживанием и перекачиванием с подушки на подушку обычно следует перевод будильника на телефоне. Чувство жалости к себе подступает и мешает встать, нет проблем с поиском оправдания своим вялым действиям. Короче, утро проходит с небритым лицом, без чая и в беготне по дому. Необходимость же резкого вставания только пару раз доставила неудобства. Первый раз, когда я со всего маха прыгнул со второго яруса кровати на стул и наступил пяткой на звездочку на пилотке – металлическую и очень острую. Звездочка отлично вошла в мягкие еще на тот момент ткани. На третьем курсе от такого маневра пострадала бы сама звездочка, поскольку от военного времени вся кожа курсанта неизбежно грубела, исключение составляют, пожалуй, подмышки, чтобы градусник не повредить, если что. Второй раз был чистым недоразумением: я спрыгнул на голову товарища. Товарищем оказался Шурик Иванов. О нем хочется вспомнить особо, поскольку наши отношения перешли в хорошую дружбу. Он был как раз из когорты «армейцев», то есть и формально, и неформально старше. Сам по себе очень толковый, сбитый – крепыш во всех смыслах. Обладающий обостренным чувством собственного достоинства. Любая «левая» шутка с ним могла стать разговором на повышенных тонах с синяками в итоге. Что характерно, таких людей никогда не смущает перспектива самим нарваться и получить «по всему телу». У Шурика в силу именно этой черты характера на момент нашего знакомства не было двух передних резцов. По официальной версии, он их лишился из-за удара чеченской головой в зубы. Шурик в первой армейской жизни служил в Грозном. Оттуда и приехал поступать в училище без зубов. В общем, вопросы чести для него гораздо важнее. «И никто никогда не назовет меня трусом», – говорил один голливудский персонаж, вторя нашему супергерою. В то же время этот человек был и есть потрясающе терпелив, вдумчив и доброжелателен. Ростовчанин. Земляк.

Возвращаясь к первым «боевым» действиям, скажу, что «реальные армейцы» учили нас таким азам, как, например, наматывание портянок. Это описуемо, но незабываемо. Юра Плыга,

одессит, десантура. Удивительная речь, такую сейчас не услышишь. Даже в фильме про Гоцмана, даже в исполнении Машкова. В фильмах вообще говорят как-то по-жванецки: звучит умно, а выглядит театрально. Зато Юра говорил на родном языке:

– Так, слоны, портянки наматываются на ногху, поутаряю, на но-гху, – в русском языке нет такой буквы Г, чтобы ее мог произнести Юра). – Показываю только два раза. И запомните, слоны, Одесса произносится как «Адеса». Не дай боже, услышу другое, например, Одэсса. Ясно, слоны? Да какого ты тут намастырил?

О портянках. Я был почти уверен, что умею их наматывать (про портянки «одевать» не говорят). Отец учил пару раз. Правда, в тот единственный случай, когда такой навык мог пригодиться, мне бы это просто не помогло. Решение, в чем идти в поход к пещере Чудесница, принимал папа, а что надеть на ноги – мама. В носках ведь теплей. Итог – незабываемая прогулка километров двадцать в один конец в папиных кирзачах, в которых он в основном ходил на субботник. В них он ходил редко, поэтому сапоги были жесткие. В результате первые мозоли пузырями – первые звоночки.

Научились. Сперва с ногой на полу наматывали, а потом и на весу, поскольку в палатке, куда ноги ни поставишь, кругом лицо соседа. Человек всему учится, темп только разный, да мотивы отличаются. В армии особенно – там от нежелания до принуждения далеко ходить не надо.

Со временем ноги обрели устойчивые жесткие контуры, а волосы на голени пропали, как после лазерной эпиляции. В повседневной жизни наматывание портянок как навык деградировало, но первый урок запомнился и полюбился как история. Особенно с таким учителем. Сложно передать колорит и логику этого классного персонажа, но, что удивительно, в речи Юры как-то не находилось места матерным выражениям. Он олицетворял собой совесть и одновременно ходячее чувство юмора. За таким добродушием как-то легче идет на уборку снега. Такие люди не могут быть злыми и неблагодарными.

Однажды, когда отменили урок у нашего взвода, мы пришли в казарму. Чтобы жизнь не проходила зря, кто-то предложил немного пошутить над другим взводом (кубрик был рассчитан на два взвода и представлял собой вытянутое помещение с четырьмя рядами кроватей, разделенными «взлетной полосой» надвое). Идея созрела как-то сама собой, на себя эту ответственность не возьму. Решили подписать Юре Плыге все вещи – «Ему же будет приятно». В результате, когда Плыга вернулся со своим взводом в расположение, увидел табличку на кровати «кроватька Юрика», снял обувь (это первым делом) и нашел «тапочки Юрика». Глянул на подушку, и вот она – «подушечка Юрика».

– Эа, что за х-ня? Слоны?

А это и не «х-ня» вовсе. Это «тумбочка Юрика», полотенце... все, вплоть до зубной щетки, и даже цветок в горшке на стене оказался не просто так, а «горшочком Юрика». По мере развития этих событий человек двадцать здоровых лбов в разных концах кубрика просто впокатку ржали, изображая на лице полную неосведомленность... но Юрик отходчивый. С юмором. Одессит. Земляк.

Вообще приколюх было много. Казарменная жизнь после зачисления, как курортный роман, – коротка, зато есть, что вспомнить. Ей на смену пришло поле, русское поле. Нас погрузили на автомобиле типа КамАЗ-4310 и отвезли на курс молодого бойца. Нюхать порох. КМБ – коротко, но емко. Как он проходит? Это первые полевые отношения в жизни. И они могли бы по праву стать безумно интересными и увлекательными, если бы не были первыми. Все с нуля. И не все так гладко. Курс молодого бойца проходит в учебном центре за городом. Свежий воздух, причем везде: во всепогодных палатках, в учебных аудиториях. Первые конфликты на почве неустроенности. Похоже на молодую семью – ну, все как в жизни. Нашим отделением на полевом выходе командовал курсант по прозвищу Море. Этот чудо-моряк какое-то время

пытался быть лидером и качать права, но потом как-то потерял интерес к управлению процессами и отстал.

Мы жили в палатке на десять человек. Жилось вполне комфортно, неудобство доставляли две вещи – длинный Море и сапоги на полу. Дело в том, что основную площадь палатки занимали нары. Места же для вещей, сапог и прочего не хватало тотально. Одеваться одновременно могли максимум трое. Но если одеться можно и лежа, полусидя или как-то еще, то обуваться очень проблематично. Не говоря уже о том, что вся обувь в армии довольно похожа. Самая «песня» начиналась при резком вскакивании по команде «Подъем!» Представьте себе, что времени на подъем в полевых условиях отводилось столько же, сколько и раньше. Благо, у нас был опыт. Каждое утро мы вскакивали и бежали на построение. После чего сразу была утренняя пробежка. Казусы с обувью случались. Мне как-то раз достались сапоги на пару размеров больше. Поверьте, не самый плохой расклад. У кого-то они были ровно на столько же меньше. Говоря о размере тех сапог, позволю отступление. То ли это традиция, то ли установка руководящей партии была такая, но сапоги на КМБ выдавались старые, б/у. Наверное, это проявление заботы о наших молодых, непривычных к сапогам ногам. Как ни крути, а в разношенных сапогах ходить было легче. Так вот, мы выбегали строем всей ротой. В поле это было даже приятнее, чем в городе. Бегали минут пятнадцать, не забывая делать всем известный «перессык» по Гришковцу, только в оригинале перессык совершается на берегу моря. Нам же с морем не повезло, поэтому наше Море глаз не радовало, а еще могло и в этот глаз «зарядить по настроению». Так вот, по команде «Стой! Влево-вправо! Разой-дись!» все становились на краю канавы и «корректировали ландшафт». Чуть ли не самое приятное из действий утреннего распорядка. Вообще на КМБ было интересно: оружие, техника, даже пробежки и физра – все это не напрягало. Напрягало, пожалуй, одно – безапелляционная подчиненность. И было тем легче, чем быстрее это принимаешь. В жизни вообще полезно научиться принимать. Приятие позволяет успокоиться и действовать сообразно обстоятельствам. Неприятие же, напротив, не дает покоя, разъедает изнутри, как язва или ревность.

Отдельная тема КМБ – это питание. Такого желания что-нибудь съесть я не переживал больше никогда. Огромным праздником мог стать приезд выездного чепка («чепок» или «чайник» – так называют курсантскую чайную). Вообще, в отношении чайной есть две очень верные приметы. В начале месяца чепок радуется, в конце – раздражает. В конце месяца платежеспособность курса серьезно падает. Маленький пример юношеского нерационального максимализма. Вначале все деньги тратятся на приобретение самого вкусного и дорогого. К дорогим позициям нашего спроса можно было отнести, например, печенье курабье и мороженое крем-брюле. Шутка ли, рупь сорок за кило. О другом печенье и кексах с изюмом говорили пренебрежительно и свысока, а на простые кексы без начинки даже и не смотрели. Ситуация резко менялась: мороженое уже не радуется – дорого; можно и триста граммов кекса... «С изюмом, без?» «Скорее без, чем с... на двоих, заплатишь?» Были и исключения в курсантской среде, одни в чепок вообще не ходили, а тупо питались дома. Другие всегда были при кармане, а значит, при деньгах. О системе экономических отношений и вопросах межклассового сотрудничества в воинском коллективе я расскажу немного позже. Сейчас же важно понимать, что денег и хватало, и не хватало одновременно. Такой вот парадокс. С одной стороны – полная обеспеченность: ешь – хочу, но не ем, пей – не хочу, а никто и не наливает. С другой – постоянный недостаток того, чего больше всего хочется. Парадокс? Рассказ был бы неполным без конкретных экономических выкладок. Градация заработной платы по мере успеваемости курсантов выглядела как легко запоминающийся телефон: 22-27-32. От обратного 32 – стипендия отличника, в том числе пять рублей «табачный паек». Хорошисты получали меньше, остальные ребята удовлетворялись 22 рублями. Благо сигарет полагалось всем одинаково, а еще большее благо, что у меня это становилось резервом, поскольку я не курил, а это почти пять килограммов печенья курабье, а в бутылках я тогда еще выгоду не измерял.

Случались и гастрономические курьезы. Например, мое первое знакомство с армейскими врачами состоялось на КМБ из-за еды. Виной тому было несанкционированное употребление пищи. Август. В окрестностях лагеря созрели дикие яблоки. Во время перерыва между занятиями мы всем взводом слегка пожевали. То ли яблоки были настолько дикие, то ли желание закусить от занятий сидело на подкорке мозга слишком явно. Идея оказалась плохой, но результативной. Почти всех, кто ел, пронесло жутко и бескомпромиссно. Я – не исключение. Строем пришли к «фершалу», опытному прапорщику, выстроились в очередь перед медпалаткой. Начался «прием». Пока стояли и ждали приема, кто-то из очереди отбежал, кто-то и не раз. Опытный прапорщик уверенным движением руки распечатывал упаковки с лекарствами и насыпал содержимое в пригоршни. Не знаю, что подействовало лучше – качество препаратов или их количество, но после запивания всей пригоршни компотом, настроение мое улучшилось на удивление быстро. Ай да фельдшер, тоже земляк, наверное.

И еще пара слов о Море. Этот «реальный военный» оказался из той продуманной когорты, что поступила в училище для смягчения условий пребывания в армии. Я не причисляю его к лику земляков по «религиозным» соображениям. Не хочу. Длиннющий и худющий, он был настолько неприятным и забавным одновременно, что его команды без смеха сложно было воспринимать. В училище он недолго продержался, поскольку оказался пьяницей и дебоширом, а когда отчислился, приходил в гости и воровал одеколон из наших тумбочек – «чисто за наше здоровье».

КМБ закончился, мы были готовы к присяге. Само по себе очень яркое и даже пышное событие, на которое приезжают родители, мне больше всего запомнилось по мозолям на ногах. Так случилось, что за несколько дней до присяги нам выдали новые сапоги. Все бы ничего, но практически в тот же день был кросс 3 километра на оценку. Я по привычке припустил, бежал, о чем-то думал и не заметил, как стер ноги. Нет, я, конечно, чувствовал, что в этой новой обуви ноги себя ведут как-то неприлично, но «в пылу сражения раны не замечаешь». Итог – кровавые мозоли на трех пальцах левой ноги. Надо же, как угораздило перед самой присягой. Пришлось ходить в старых сапогах на несколько размеров больше, чтобы обойтись без гримасы на лице. Традиционно после присяги «курсов» отпускают в увольнение. Пришлось переобуться в ботинки. Надеть-то я их надел, а вот походки уверенной не получилось. Ковылял потихонечку, как в той песне поется. Больше всего в этой ситуации жалко маму. Ей стоило большого труда и нервов пережить кровавое олицетворение военной угрозы на ногах сына.

Подводя итог первых дней армейской жизни, можно сказать, что они были всесторонне насыщены. Было многое – были слоны, была и Адееса. Кроссы сменялись примочками на ногах и новыми кроссами. События протекали в очень плотных отношениях и при поддержке «реальных военных» – ребят, которые уже что-то знали и это знание до нас доносили. Разумеется, как могли. Сейчас продвинутые менеджеры охарактеризовали бы это, как товарищеский стиль в лидерстве, основанный на личном примере и стимулировании подчиненного к росту. Тогда же, в далеком конце восьмидесятых, вместо формулировок были команды. А вместо песен – «Группа крови на рукаве». Были, безусловно, и книги по психологии воинского коллектива, но лучше запомнились почему-то именно команды. И, конечно, учителя, в основном толковые и порядочные. В редких случаях – пустые и грубые, для которых жалко места в позитивной книге, а «Зону» С. Довлатова переписывать на военный лад – дело неблагодарное.

#

Казарменная жизнь после зачисления, как курортный роман, – коротка, зато есть, что вспомнить.

Жилось вполне комфортно, неудобство доставляли две вещи – длинный Море и сапоги на полу.

Первые мозоли пузырями – первые звоночки.

Русский учи, бляха

Советский Союз, как известно, был большим и многонациональным государством. Потому и армия у нас была такая же. Взвод, в котором мне довелось учиться, сложно назвать многонациональным: из тридцати человек у нас было всего два азербайджанца, два белоруса и два татарина, остальные русские. Наш взвод входил в 13-ю роту, которой командовал капитан Щербинин. Сейчас я в своем рейтинге отношу его к самым любимым командирам. Правда, на тот момент я рассуждал иначе. В один из первых дней учебы он меня вызвал к себе в канцелярию и поставил «очень творческую» задачу:

– У тебя с русским хорошо? – спросил он.

Я честно ответил:

– Хорошо, четверка по сочинению.

– О-от, – говорит он, – потому я тебя и вызвал. Слушай задачу. В нашей роте есть два азербайджанца, оба в твоём взводе. Ясно, что с языком у них х... во, значит, и учиться они будут также х... во. Понимаешь, к чему я клоню?

– Понимаю. Надо учить?

– Да, но деликатно. Люди они горные, горячие. Чуть что – и за штык-нож могут схватиться. Не дай бог про маму в их присутствии кто-то выразится, тут ваще война. Понимаешь?

– Понимаю, – говорю, – буду сглаживать эти противоречия.

– О-от, правильно, сглаживать, поправлять, разъяснять – короче, чтоб они у меня были не хуже русских придурков.

Вышел я от командира. Ну, думаю, не хуже, чем я, так не хуже. Специфика в отношениях действительно была. Во-первых, все нацкадры всегда кучкуются. Во-вторых, уровень знаний в начале учебы был сравнительно слабый. Конечно, опасения командира понятны, и надо отдать должное его прозорливости и опыту.

Я уже говорил, что у этих парней не было проблем с поступлением в училище. Оба наших «горняка» учились в военной школе в Баку. Там же сдавали экзамены. И, соответственно, поступили. Как принимались экзамены в союзной на тот момент республике и уж тем более как происходил выбор самого училища, мне неизвестно. Известно только, что эти ребята с трудом представляли даже то, чему учат на тех или иных уроках. Базисное знание для них после поступления – это факт, что их ждут и что их поддержат, что им рады и всегда понятно, к кому подойти в случае необходимости. Клановая поддержка была им обеспечена всегда. У Ильфа и Петрова в «Одноэтажной Америке» был описан эдакий социально значимый протекционизм в среде американцев. Такой подход, при котором никто даже не подумает начать новое дело или совершить дальнюю поездку, не заручившись рекомендацией в виде письма или телефонного звонка. Рекомендательное письмо в подобном социуме открывает нужные двери. Однако когда ты в эти двери уже вошел, нужно справляться самому. Протекция не отменяет обязанностей и не подменяет отношений в коллективе, в котором приходилось жить, служить, делить... и делиться.

«Клиенты» мои оказались классными ребятами. Но общение с ними требовало определенных усилий. Естественно, что оба абсолютно разные. Первый – Раджаб Даджиев. Типичный кавказец. И брови, и прическа, и улыбка, даже фигура какая-то мужская, а не юношеская, с животиком («балконом»). Усы опять же. Короче, мечта портретистки. Второй – Вугар, его все называли Гарик. Худой, без «балкона», рыжий, щуплый, шустрый молодец. Что характерно, у него был родной старший брат, который закончил это же училище, причем очень успешно, и на момент поступления Гарика был уже подполковником. Ну да ладно. Оба они были шустрые, но шустрили эти парни как-то неспешно и в основном в направлении материальных благ. Даже будучи курсантами, они вечно что-то доставали, покупали, продавали, меняли – в общем,

решали вопросы. Речь у них была интересная, искажались почему-то все слова, даже предлоги. Какие-то буквы упорно заменялись на другие, например, я просил:

- Раджаб, а почему ты говоришь «чител»? Скажи «китель», это же просто.
- Просто, – отвечал Раджаб, – но тогда как будет правильно: «чисел»?
- Кисель, – говорю я, – а «дрел» будет «дрель».
- Э-э, мне столько слов не выучит.

Если бы проблема была только в мягких знаках. Задача была в разы сложнее – уставы учить. Были и другие интересные фишки. Командир не зря заострил мое внимание на том, что при них нельзя было упоминать маму в сослагательном наклонении и сленговом контексте. Действительно, по мнению старших товарищей, за это можно было получить удар штык-ножом, причем обязательно ночью. Никто не отважился на подобный эксперимент, поэтому до техасской резни бензопилой не дошло. Еще они не ели свинину. Вот тут мне здорово повезло. Как известно, рацион питания в курсантских столовых не отличается разнообразием. Только попав в армию, я понял, что каша – не такое уж и плохое блюдо. Особенно если ее сравнивать с такими изысками, как «солдатский бигус», «мясо белого медведя» или «пельмени без мяса».

Чтобы приготовить мясо белого медведя, надо взять отборную свинину, убрать из нее все «лишнее» мясо. Оставить только такие кусочки сала, на которых этого мяса на самом кончике или совсем уж посерединке, и долго тушить в собственном соку. Подавать блюдо вместе с жижейкой в алюминиевой тарелке на четверых – так жирнее. Вот вам мясо белого медведя.

Вообще, что поражало в армейской кухне, так это склонность поваров к различным миксам. Отдельно капуста – съедобно, отдельно картошка в любом виде – это счастье. Но когда это вместе... это бигус. Странно, что бигус в исполнении военных поваров не ели даже белорусы. То же самое с кашей: пшенка с горохом – еще тот коктейль. И название у него звучало как-то неприлично – «каша горохуевая». Смеси продуктов типа пер-дыня ничего общего с созвучными по названию фруктами не имели. Про пельмени без мяса рассказать проще всего: вы видели очень разваренные макароны-ракушки? Вот, ну откуда в них мясо?

Большую часть учебы я сидел за столом с ребятами-азерами, четвертым был татарин. Поскольку свинину из них не ел никто, все «мясо белого медведя» было в моем распоряжении. Надо сказать, что они не сильно-то и расстраивались. У них как-то получалось быть всегда сытыми, они даже нас подкармливали. От кого, как вы думаете, я узнал слово «инжир»? Это в дефицитные восьмидесятые. Слово-то узнал, а попробовал годами пятью позже, в компоте. И лишь совсем недавно узнал, что инжир растет на фиговом дереве. Нередки были случаи, когда из всего меню съедобным был только хлеб с маслом. Чтобы наесться, курсы прихватывали с собой хлеб и таким образом догонялись. В таких случаях приходится выбирать между чувством голода и позором. Нехватка – страшное слово. Хлеб «точили» все, а вот нехваткой называли самых голодушников.

Вспоминается один случай, когда во время полевого выхода кому-то из местных ребят передали посылку. В посылке была тушенка, чай и еще какой-то дефицит. Ясно, что все посылки делились по-братски. Так мы на свинину переклеили этикетку от говядины, чтобы и азербайджанцам тоже перепало. В темноте прокатило. Жили-то в палатке. Правда, когда все было съедено, кто-то пошутил на этот счет.

- Что, вкусно, Раджаб? Хорошая говядина?
- Да, хорошая, – отвечал Раджаб.
- Еще бы, когда это свинина.

Я такого огорчения больше никогда у Раджаба не видел. Это было как личное горе. Правда, обошлось без конфликта, все свели на шутку, и слава богу.

Учеба горцев протекала в особом доверительном русле. По сути, моей задачей было чуть дольше объяснять, подбирая русские же слова из наиболее распространенных. Главная сложность была только в том, что объяснять приходилось не банальные жизненные явления, а, например, устройство гидродинамического трансформатора гусеничной машины ГМ-569 на занятиях по автомобильной технике или философские понятия на уроке философии.

Так или иначе, задача коммуникации наших нацкадров была решена. Конечно, никакие занятия и лекции с семинарами так не учат, как реальные отношения и разговорная практика с погружением в языковую среду. Что и произошло с нашими азерами. Мотивации им хватало. Вот, что наиболее интересно, они прочно следуют установке своей семьи. Сказано «учись» – учатся. Сказано «возвращайся» – выполняют без намека на сомнения. При этом используют любые доступные средства. Не чураются помощи, сами стараются быть благодарными. И это не циничный прагматизм или приспособленчество. Это, скорее, интуитивное партнерство. Много интересных ситуаций было связано с подобным общением. И я не раз буду возвращаться к этим замечательным персонажам.

#

– Что, вкусно, Раджаб? Хорошая говядина?

– Да, хорошая.

– Еще бы, когда это свинина.

Пшенка с горохом – еще тот коктейль. И название у него звучало как-то неприлично – «каша горохуевая».

Отдельно капуста – съедобно, отдельно картошка в любом виде – это счастье. Но когда это вместе... это бигус.

– Короче, чтоб они у меня были не хуже русских придурков.

Только рюмка водки из горла

Спиртное военнослужащему противопоказано по состоянию здоровья, причем любое и любому. И дело не в том, что у всех такое плохое здоровье. У кого-то может быть даже очень хорошее. Просто оно непременно будет испорчено командиром – в случае выявления «употребления спиртных напитков по личным вопросам». Эта провинность возведена в армии, особенно в военных училищах, в ранг, пожалуй, наихудшей. Хуже может быть только расстрел караула, не дай бог. Если самоволку или еще какое-либо нарушение можно было хоть как-то объяснить, упаковать в легенду, как все там всех бросили или все у всех повыходили замуж, со спиртным такое не прокатывало. Самый простой способ – не попадаться, поскольку не пить – это самый сложный для военнослужащего вывод. В моей курсантской практике было несколько довольно забавных эпизодов.

Начнем с того, что вкуса водки до армии я не знал, но имел о нем представление. Оно складывалось из нескольких факторов. Первый и самый яркий – это лицо моего отца в момент употребления водки. Оно почему-то морщилось, особенно сильно в районе губ, как у стеклодува, выдувающего невидимой трубкой очередной стеклянный графин. И по этой причине становилось слегка несимпатичным. Второй и самый болезненный фактор, – последствия праздника, судя по которым, водка – это просто землетрясение, только действующее очень избирательно. Третий фактор – положительный: под спиртное и закусочку собиравшиеся на праздник родственники очень хорошо пели, вспоминая при этом такие старые и редкие песни от первого до последнего куплета, чтобы потом, с утра, забыть даже их названия. То есть водка – это одновременно средство для памяти и от памяти.

Конечно, с такими представлениями я был абсолютно не готов к первой дегустации. А прошла она случайно и в совершенно непрогнозируемой ситуации. На первом курсе зимой наше отделение получило боевую задачу. Нам было поручено произвести траурный залп на похоронах офицера. Получили оружие, сели в автомобиль Урал-4320, ставший впоследствии моим любимым по целому ряду причин, и поехали. Холодно, в кузове грузовика вообще всегда почему-то очень холодно или очень жарко, промежуточный вариант не предусмотрен конструкцией автомобиля, едем. Понятно, что церемония непростая, занимает время, мы все на взводе, в смысле при оружии. Построились, по команде сделали три залпа – и снова в автомобиль. Какое-то время сидим, смотрим, к автомобилю быстро подходит мужчина, видимо, кто-то из родственников умершего, и быстрым движением протягивает в кузов бутылку водки, за ней вторую. Население кузова оживилось. Предложения отложить выпивку на потом или выбросить бутылки за борт не поступило. Потому решили выпить сразу, на ходу, без закуски, из горла. Что значит решили? Если честно, то мыслей вообще никаких не было. До сих пор помню этот вкус почти безвкусного морозного пощипывания с отрыжкой через нос в виде послевкусия. Первая сделала круг и закончилась. Я тогда еще подумал: «Интересно, кому досталось больше всех?» Про себя помню только, что сделал два нормальных глотка. Между первой и второй, как говорится, паузы вообще не было, так что две бутылки разошлись быстро, махом. Ехали гораздо веселее, благо по прибытии удачно дошли до казармы, сдали оружие тоже без последствий и внеплановой стрельбы. И все-таки «спалились». Только палево это было каким-то приятным, поскольку коллективным, а потому безответственным. Я давно заметил, что любая безответственная движуха приятна по определению. Командир взвода слушал доклад «замка» о результатах поездки и, разумеется, учуял «русский дух». После разборки, как нам потом рассказали, был сделан единственный правильный вывод. Произошло коллективное пьянство, о котором лучше умолчать и не поднимать шум. Нам приказали отдыхать, что мы и сделали. Представляете, какой кайф?!

Я считаю, правильно все получилось: и опыт нужный, и результат приемлемый. «Уж лучше сокрушаться о содеянном, чем сожалеть об упущенном», – сказал бы оценивающе Лев Толстой. Вряд ли об этом случае кто-нибудь из участников думал по-толстовски и уж тем более написал об этом в письме родителям. Кто сейчас об этом помнит?

#

Я давно заметил, что любая безответственная движуха приятна по определению.

Водка – это одновременно средство для памяти и от памяти.

Нам приказали отдыхать, что мы и сделали. Представляете, какой кайф?!

Мясная тематика. Эпизод I. Новогодний

Не так давно в разговоре с любимой женщиной я попытался вспомнить свои «Новые года». И первый, который пришел на ум, был первый Новый год в училище. Он не был семейным, тем более он не был веселым, а запомнился больше всех. Почему? Он как бы подвел итог моему выбору жизненного пути. Я увидел, что человек может оставаться счастливым при не самых приятных жизненных ситуациях. Правда, вывод этот мне пришел в голову несколько позже.

Новый год, как и любой другой праздник на службе, отличается тем, что его контролируют с особым вниманием. Поскольку существует серьезный риск загулов, самоволок и прочего. Есть даже очень часто цитируемая поговорка: военнотруженик на празднике, как лошадь на свадьбе, – морда в цветах, а задница в мыле. Подготовка, инструктажи, многократная проверка – все это есть. Но есть и приятные вещи, например, праздничное меню для курсов и солдатиков с котлетами и картофельным пюре. Но эти приятные вещи для наряда по столовой оборачиваются двойным объемом работы. Шестнадцать эмалированных ванн картошки вместо трех (в армии чищенный картофель измеряется банальными ваннами, которые советское население, как правило, принимало) и не две, а четыре туши говядины.

Итак, Новый год, курсантская столовая, варочный цех. Весь взвод в наряде по столовой. Среди них есть «официанты» – как правило, «элита» роты, самые большие, блатные, «ответственные». В их обязанности входило убирать со столов и мыть пол. Их обычно человек восемь, на каждый этаж по четыре. Есть работники «дискотеки». Это те, кто моет посуду. Как правило, девять человек. Есть варщики – те четыре человека, которые помогают поварихам варить еду. Варить еду – звучит гордо, а на деле трудозатратно. Кипятить воду, закладывать пищу, мыть пшенику в шести водах и таскать стальные и алюминиевые бачки. Поскольку к элите роты я и сам-то себя не относил, а мыть посуду, в особенности алюминиевую, не люблю, то я всегда был варщиком, за исключением пары случаев.

Особая гордость профессии варщика в наряде по столовой – рубка мяса. Так получилось, что весь предновогодний вечер мы с моим другом Коляном, тоже талантливым варщиком, рубили мясо. Обычно я махал топором, а Колян держал туши, легко и непринужденно. Чудесная колоритная повариха нас контролировала и показывала, эротично проводя ножом по очередному куску мяса, что рубить и на какие куски. Что характерно, на полевом выходе приготовление пищи происходит без участия гражданских поваров. В условиях, приближенных к боевым, к ним было мало доверия. На зимних же квартирах в училище они играли видную роль. Зачастую «мясо белого медведя» могло оказаться даже без прожилок мяса. Несли сумками. Особенно если в наряд заступал какой-нибудь раздолбайский взвод. Наш коллектив я таким не считал. У нас был очень серьезный «замок» – Славик Цацура.

После каждой туши наш розовощекий «контролер» ненадолго отходил, а когда возвращался, мы в ней наблюдали серьезные перемены к позитиву. Еще более здоровый румянец, блеск в глазах и расслабленные словесные формулировки. Старый и очень необычный год уходил с планеты, покачивая крутыми поварскими бедрами. После четвертой коровы, в смысле говядины, гражданский персонал окончательно отошел от дел: «А что, хорошие традиции нарушать нельзя». Благо мы справились вовремя, и за несколько минут до «хэппи нью еар» сели за роскошный стол, почти половину которого занимал огромный, сладкий и очень масляный торт.

К нам пришел командир роты, капитан – трезвый, подтянутый и молодцеватый. Поздравил в своей обычной непринужденной манере. Не знаю, как для других, но лично мне было приятно. В этом было даже что-то семейное, только семья воспринималась как-то по-новому...

Потом был легкий и чуткий трехчасовой сон и продолжение наряда, в котором еще как минимум три раза повторялась одна и та же технологическая цепочка: баки наверх, раскладка, уборка, мойка, приборка. Слегка устав, я присел на приступок возле 250-литрового котла, прислонился спиной и задремал. И приснился мне сон, как всегда цветной, широкоформатный, с титрами (мне почти всегда снятся именно такие сны, не люблю дешевый ширпотреб с плохой режиссурой) ... Как будто я уже командир, моя рота на учениях. Мы выполняем важную тактическую задачу, обходим условного противника с тыла, преодолеваем то брод, то заграждения с колючей проволокой. И вот, когда ощущение победы уже совсем близко, налетает вражеская авиация, по нам стреляют... из брызгалок, какие мы делали в детстве из старого шампуня, а вместо воды какая-то розовая каша. Рядом в таких случаях, как и в любом правильном советском фильме, оказывается замполит. Лежа на спине с соломинкой во рту, он с невозмутимым видом поясняет, что по нам киселем стреляют. Новое оружие – готовится легко, горячее, остывает медленно, если попадет на кожу... И тут в меня по-па-да-ют этим «новым оружием». Кисель горячий, а я и думаю: «Хорошо, что в голову – голова-то в каске». Но каска не помогает, плавится от температуры киселя, голове становится все горячее и горячее, шея как деревянная... Что делать? И замполит куда-то делся, а то бы помог. Нестерпимо горячо, и прилипло, и спускается уже к спине, и сделать ничего нельзя, и я смотрю на это со стороны и вижу себя с розовым киселем на спине так явственно, как будто я оператор фильма, а не пострадавший...

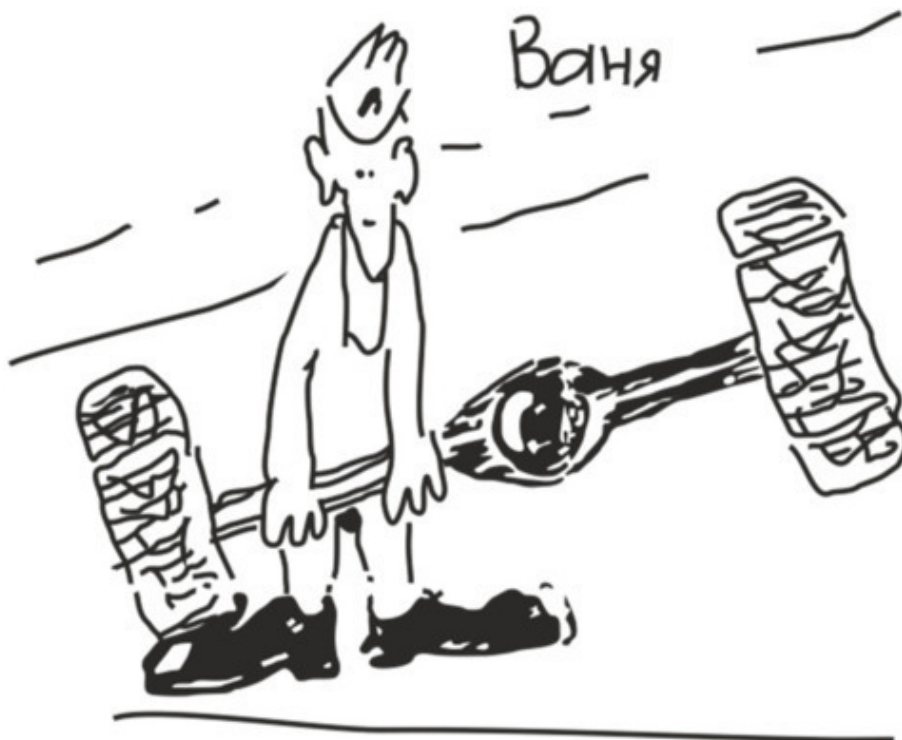
Дико дергаюсь, смотрю по сторонам. Сижу. Затылок горит, спина тоже. Вот оно что – пока дремал, чудесная повариха запалила конфорку, вода в баке нагрелась и даже приготовилась кипеть. Ожогов не было, а в памяти осталось это состояние, как во сне, и цель уже – вот она, и соратник был рядом вот только что, а все рушится из-за какой-нибудь мелочи, типа киселя на голову...

По совершенно закономерному стечению обстоятельств история с новогодним нарядом у меня повторилась. Правда, на новом витке развития – в действующей части, в лейтенантском звании...

#

Варить еду – звучит гордо, а на деле трудозатратно.

Старый и очень необычный год уходил с планеты, покачивая крутыми поварскими бедрами.

Мясная тематика. Эпизод II. Легкий шмонец

Колбаса. У каждого, кто рос в СССР, это слово наверняка ассоциировалось с бутербродами и магазином «Колбасы». Название магазина правильнее трактовать как призыв – «Колбасы!». Восклицательно и требовательно. Для курсанта это слово было командой, предметом особого вожеления. Колбаса на курсантский стол попадала двумя способами: в посылке или в заначке. Посылки нам присылали родные «с воли». Поскольку почта тех времен особо не отличалась экспресс-характеристиками, то колбаса редко доживала в свежем виде. В этом плане колбасе сложно конкурировать с салом. Тем не менее в те редкие случаи, когда посылки приходили с «живой» колбасой, наступал праздник. Это был народный праздник у целого отделения (в количестве 10 человек). Заначки же делали наши местные товарищи. Например, перед полевым выходом, караулом или выездным нарядом. Из магазина колбаса к нам практически не попадала – первое время по причине дефицита, который продолжал зверствовать в стране примерно до 1991 года, затем – по причине высокой стоимости этого супержеланного товара.

Сложно передать в этой связи радость моего подразделения, когда нас направили в качестве шефской помощи на мясокомбинат. Мне даже сейчас непонятно, по отношению к кому все-таки была шефская помощь – к курсам или к заводчанам. Но для нас мероприятие сулило солидные перспективы.

Утром нас погрузили на любимый КамАЗ-4310 и повезли навстречу неизведанному колбасному счастью. Сопровождал нас в этом походе командир взвода, старший лейтенант Гринев. Забегая вперед, скажу, что до этой «боевой» задачи он характеризовался как спокойный, внимательный и доброжелательный командир. Выглядел всегда не просто образцово, а как-то даже по-своему шикарно. На нем так сидела военная форма, и так он в ней эффектно перемещался в пространстве, что окружающих посещали философские и литературные воспоминания о балах, дуэлях и благородном офицерстве. При этом где-то за кадром звучала мелодия в исполнении Ивашова «Русское поле... поле, я твой тонкий колосок...»

Приехали. «К машине!» Можете себе представить: тридцать юношей в бушлатах проходят через проходную с лицами, выдающими крайнюю форму возбуждения от значимости мероприятия и перспективы двух дней антивегетарианских отношений.

Завод, на который нас привезли, располагался, насколько помню, практически в центре города. Как и все «центровые» заводы, он был довольно старый, зато с высоким забором и почему-то не очень приятным запахом. На удивление пахло не столько колбасой, мясом или соей (ею тогда вообще не пахло), сколько чем-то давно не съеденным, потому несвежим. Нас провели в главный корпус завода, в подвальное помещение, в котором мы должны были продалбливать траншею для кабельной линии. Для этих целей нам выдали ломы, кирки, лопаты и другие инструменты. Активная работа кипела минуты три. За это время мы многое успели – снять бушлаты и надеть рукавицы. Затем трудовой накал начал сам собой спадать, ломы у большинства товарищей смогли только раз подняться и опуститься. Все. Дальше терпеть было нельзя. Надо что-то делать. Где-то совсем рядом производится, варится и коптится то, что впоследствии будет называться вареной, копченой, сыровяленной, сырокопченой и полукопченой колбасой. А мы внизу, в полумраке подвала и бетонной пыли. Никто и не пытался останавливать нашу курсантскую лавину, которая ринулась изучать производство, временами переходя на бег. На первом этаже мы наткнулись на склад готовой продукции. Тут же была обнаружена колбаса, которую я идентифицировал как ливерную. По форме она напоминала исторический каравай хлеба, только без соли. Уверен, что и по содержанию она была такой же. Ничего, поели. Прямо тут же, без хлеба, закусили парой батончиков. Не скажу, что нас это удовлетворило, скорее придало новые силы для поиска. Тем временем часть группы продолжала вторжение. Дальше в одном из цехов мы увидели вареную колбасу и сосиски. Они были разло-

жены на больших вертикальных вешалах-решетках. Кубической формы, два метра в поперечнике, они были снабжены колесиками и стояли перед печкой. Вот именно, что перед. Недолго думая, мы неспеша начали снимать пулеметные ленты сосисок с вешал, рассовывать по карманам, по сапогам. Филя обмотался ими по-матросски. Проходившая мимо сотрудница завода обратила наше внимание на важную деталь, что сосиски лучше брать после печки. Мы, как оказалось, набрали колбасного фарша в пленке. Тут же все содержимое карманов было вывалено на пол. Обошли печку – правда, вот они, слегка порозовевшие, еще теплые и такие молочные... Никогда больше не ел таких вкусных. Операция с рассовыванием и наматыванием повторилась. Можно было остановиться, но... «Сервелат!» – прозвучало как команда «Огонь!» И мы снова пошли в наступление. Этажом выше оказался цех копченой колбасы. Все бы ничего, но есть колбасу без хлеба уже мало кто мог. Надо взять с собой. Все карманы, сапоги и даже рукава набили докторской, русской и любительской. А тут – сервелат. «Сбросить балласт», – пронеслось в каждом отдельно взятом курсантском мозге. Ну, мы и сбросили. Тут же, не отходя от полок с сервелатом. Чудесная охота, на грани с безумием...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.